

ОТДЕЛ IV. РЕЦЕНЗИИ, БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

УДК 801.731 (32)

DOI: 10.31802/2500-1450-2018-31-4-355-362

Задорнов А., прот. Рец. на: *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / Пер. с англ. А. А. Олейникова. 464 с.; Т. 2: Эпоха Реформации / Пер. с англ. А. А. Яковлева. 568 с. Под науч. ред. В. В. Софронова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. ISBN 978-5-7749-1312-1 (общ.), 978-5-7749-1313-8 (Т. 1), 978-5-7749-1268-8 (Т. 2).

Выход перевода на русский язык исследования Квентина Скиннера, впервые изданного сорок лет назад, рождает закономерный вопрос о его актуальности и том контексте, который этот двухтомник неизбежно обрел с момента первого издания. Если ответ на первый вопрос очевиден: в русскоязычной литературе это пока единственное специальное фундаментальное исследование политической мысли Ренессанса и Реформации (конец XIII — начало XVI вв.), — то с контекстом дело обстоит сложнее.

Целью данного труда автор считает решение трех задач: анализ источников по истории политической мысли Средневековья и раннего Модерна, формулировка на основе этих текстов новоевропейского концепта «государства» и презентация особого авторского подхода в области интерпретации исторических текстов.

Соответственно, первый том посвящен таким темам, как место городских республик между императором и папой, неожиданная рецепция схоластического наследия ранними гуманистами, гуманистический идеал государева правления в итальянском ренессансе, особая роль Макиавелли в критике гуманизма и осмыслении республиканских ценностей и конец республиканской свободы. Особо рассматриваются феномен северного

ренессанса, рецепция политической мысли гуманистов и парадоксальная гуманистическая критика гуманизма. Второй том анализирует развитие зародившихся в поздней схоластике светских теорий государства в лютеранстве и кальвинизме, а также истоки конституционализма в контексте контрреформации.

Теологический аспект указанных тем для Скиннера важен не менее собственно политического или социального. При этом теология (*политическая* теология согласно К. Шмитту) играет не просто роль «идеологической надстройки» рассматриваемых сюжетов, но имеет самостоятельное значение. Увидеть это можно на примере томистской схоластики, являющейся, наряду с учением Н. Макиавелли, особо любимым *case-study* автора.

В первом томе схоластика предстает невольной защитницей городских республик через активное внедрение нового метода преподавания риторики, основанного на изучении классических юридических текстов, довольно скоро сменившихся текстами из античной поэзии, истории и собственно риторики. Идея независимого городского самоуправления как особого извода республиканских свобод транслируется через эти риторские упражнения напрямую в итальянский гуманизм. Немалое значение имело и введение в круг обсуждаемых вопросов предмета политических добродетелей как гаранта политического успеха (в чем усомнится как раз Макиавелли). Движение маятника политической мысли Западной Европы между схоластической риторикой и макиавеллистским гуманизмом задает вектор первой части работы К. Скиннера.

При этом для автора важно восстановить разорванную предыдущими поколениями исследователей связь между схоластикой и ренессансной политической теорией. Именно схоласты (а конкретнее — парижские доминиканцы с Аквинатом во главе) легализовали в интеллектуальной сфере средневекового католического мира аристотелевское представление о самодостаточной политической жизни, неизбежно связанное с натуралистическим и секулярным взглядом, мало совместимым с преобладавшей до этого августирианской политической парадигмой. И если самому

Фоме Аквинскому приходилось приспосабливать особенности аристотелевской *политики* к реалиям французского или немецкого феодализма, то уже Марсилий Падуанский смог актуализировать эту проблематику по отношению к североитальянским городским республикам. Именно в последних «гlossаторская» традиция преподавания права постепенно сменяется новомодными элементами аристотелевской *политики*, чему способствовало и увеличение числа собственно итальянских студентов в парижском университете.

В разделе с интригующим названием «Защита свободы с помощью схоластики» Скиннер подчеркивает преданность схоластов идеалу политической независимости и республиканского самоуправления, заставившему переосмыслить историю Рима через смещение внимания с его имперского периода на республиканский. В свою очередь, это означает, что Катон и Цицерон становятся политическими ролевыми моделями не в эпоху расцвета гуманизма, а благодаря именно схоластической политической теории. Тракат «Защитник мира» того же Марсилия Падуанского¹ апеллирует именно к *богословской* добродетели мира как способу преодоления традиционных внутриреспубликанских распрей, ведущих к установлению тирании. При этом тезис Данте о добродетели как основе истинного благородства подвергается схоластами критике из-за того, что эта добродетель *рождает* именно духовную аристократию, в то время как политическая элита в силу своего происхождения *уже* должна этой добродетелью обладать.

Вместо риторического искусства плетения словес схоласты предпочитают выступать политическими консультантами в области достойного управления. Схоласты «предстают не столько моралистами, сколько политическими аналитиками, связывают свои надежды не столько с добродетельными личностями, сколько с эффективными институтами, видя в последних наилучшее средство для сохранения общего блага и верховенства мира»².

¹ Русский перевод см. в издании: Марсилий Падуанский 2014.

² Скиннер 2018а. С. 111.

Таким институтом для Марсилия Падуанского является неотчуждаемый народный суверенитет, нанимающий правителя для решения конкретных задач управления. Если объявить таким правителем самого государя, то мы будем иметь перед глазами уже теорию светского государства эпохи Модерна, для чего необходимо было лишь пройти через опыт политических дискуссий (в том числе и в их «горячей фазе») эпохи Реформации.

Посвященный этому опыту второй том исследования Скиннера предвзвешен рассуждением о роли, которую сыграли два текста — отвергнутый Лютером как символ ненавистного ему канонического права Декрет Грациана и, собственно, Библия. Новый подход к изучению юридических текстов с применением методов исторической и филологической критики, появившийся в правовых школах уже к XV в., не мог не распространиться и на само Священное Писание. Рассмотренные в разделе «Гуманизм и библеистика» подходы классиков ренессансной религиозной мысли Джона Колета, Лоренцо Валлы, Иоганна Рейхлина и особенно Эразма Роттердамского заставляют Скиннера назвать методы библейского гуманизма троянским конем, содействовавшим «революции в традиционных отношениях между Церковью и светскими властями на широком пространстве Северной Европы»³.

Ход содержание этой революции и предстает на страницах второго тома исследования в трех аспектах: принципы лютеранства, кальвинистская тория революции и — очередная, но не последняя неожиданность — возрождение томизма в контрреформации. Именно томизм находится у истоков теории государства, основанного на законах природы, которая разрабатывалась томистскими политическими философами в самый разгар эпохи Реформации. Впрочем, не только ими (прежде всего Франсиско де Витторио и его саламанкскими учениками), но и их главными конкурентами — иезуитами, притом самого первого ряда: Р. Беллармино, Ф. Суаресом, А. Поссевино. Их объединение также было вызвано необходимостью борьбы с двойным вызовом лютеран-

³ Скиннер 2018а. С. 354.

ства и политического гуманизма. Как справедливо отмечает Скиннер, «ранние иезуитские теоретики ясно видели важнейший пункт, в котором сходились политические теории Лютера и Макиавелли: обе они, каждая по своим причинам, отвергали идею закона природы как морального основания политической жизни. Поэтому в работах ранних иезуитов мы впервые встречаем известное сближение Лютера и Макиавелли как двух отцов-основателей современного нечестивого государства»⁴.

Богословие Тридентского собора назвало Церковь «видимым институтом» преемственного хранения евангельского предания, что привело к выводу о необходимости для Церкви иметь собственное законодательство и иерархию, обеспечивающую функционирование последнего. Сверхприродные цели достигаются втаком богословии посредством руководящей и принудительной силы, воплощенной в фигуре высшего законодателя — римского понтифика. В свою очередь, это становится аргументом против лютеранской доктрины *solascriptura* и тезиса о «невидимой Церкви». Заодно появляется почва для критики гуманизма в варианте Эразма Роттердамского. На призывы к индивидуальной катехизации и критическому изучению текста Писания как новому гуманистическому методу обучения тридентские богословы ответили возвращением к схоластике как наглядному символу предания.

Схоластика одержала полную победу над гуманизмом, констатирует Скиннер. И тем самым спасла для Европы веру в человеческий разум, добавляет он же. Ибо именно томисты контрреформации вернулись к тезису о способности человека пользоваться собственным разумом для установления моральных принципов политического действия — в противовес гуманистическому скепсису в отношении такой рациональной возможности. Сама природа демонстрирует необходимость справедливости. Поскольку же идея справедливости согласна и с человеческим разумом, то и создаваемые этим разумом законы на самом деле извлекаются из этого закона природы. Несправедливый и неправомерный (несогласный

⁴ Скиннер 2018b. С. 209.

с природой) закон не может быть исполнен по совести христианином. Помимо своей справедливости, природный закон (в сочетании с Писанием) также есть способ сообщения воли Божией человеку.

Именно здесь возникает отчетливая связь между тридентскими богословами и позднейшими просветителями — отказ от свободы природного состояния человека становится возможным только при добровольном согласии человека, выбирающего создание политики как гаранта безопасности. В этом смысле сочинения творцов второй схоластики оказываются источником мысли не только Руссо, но и Локка с его тезисом о необходимости соответствия человеческих правовых актов природному закону и о согласии как основе общественного договора.

Подробный анализ политической теории контрреформации, вынужденной пройти между сциллой лютеранских экклезиологических заблуждений и харибдой гугенотской революции Кальвина, — одно из самых сильных и впечатляющих мест второго тома рецензируемого исследования.

В заключение скажем несколько слов об авторе и его месте в современном интеллектуальном европейском пейзаже — контексте, о котором упомянуто в начале рецензии. Профессор Лондонского университета Квентин Скиннер — наследник той традиции европейской правовой и политической мысли, которая имеет одним из своих истоков аналитическую философию и, в особенности, теорию речевого акта. Собственно, само существование представляемой Скиннером Кембриджской школы интеллектуальной истории является зримым доказательством возможности применения идей Л. Витгенштейна, Д. Остина или Д. Серля для решения сугубо практических задач.

В выработке научного языка и методологических установок Скиннера и круга близких ему авторов не обошлось, конечно, и без влияния Томаса Куна, а также Д. Колингвуда и Э. Гомбриха — специалистов, казалось бы, весьма далеких от интересов Скиннера. В действительности именно такой синтез историсофского, сциентистского и даже искусствоведческого подходов позволил выработать новый контекстуальный способ

прочтения классических текстов политической философии⁵. Успех этого принципиально историцистского (скомпрометированного в британской интеллектуальной традиции К. Поппером) метода продемонстрирован Скиннером в целом ряде работ, в том числе посвященных его любимому персонажу новоевропейской мысли Н. Макиавелли⁶, чьи хрестоматийные тексты предстали в этой оптике в совершенно новом свете.

В качестве замечания частного характера хотелось бы также отметить следующее. Для русского читателя, долгое время находящегося под чарами заботливо культивируемого отрицательного отношения к ренессансному гуманизму, полезно будет прочитать те главы работы Скиннера, которые удивительно близки, к примеру, «Новому Ренессансу» В. Библихина⁷ и тоже демонстрируют возможность иного подхода и иной оценки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Атнашев, Велиджев 2018 — *Атнашев Т., Велиджев М.* Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. [*Atnashev T., Velizhev M.* *Kembridzhskaia shkola. Teoriia i praktika intellektual'noi istorii* (Cambridge school. Theory and practice of intellectual history). Moscow, 2018.]
- Библихин 1998 — *Библихин В. В.* Новый Ренессанс. М., 1998. [*Bibikhin V. V.* *Novyi Rennans* (New renaissance). Moscow, 1998.]
- Марсилий Падуанский 2014 — *Марсилий Падуанский.* Защитник мира / Пер. с франц. Б. У. Есенова. М., 2014. [*Marsilii Paduanskii. Zashchitnik mira* (Deafender of peace) / *Pererevod s frantsuzskogo B. U. Esenova.* Moscow, 2014.]
- Скиннер 2006 — *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб., 2006. [*Skinner K.* *Svoboda do liberalizma* (Freedom before liberalism). Saint Petersburg, 2006.]
- Скиннер 2009 — *Скиннер К.* Макиавелли: Очень краткое введение. М., 2009. [*Skinner K.* *Makiavelli: Ochen' kratkoe vvedenie* (Machiavelli: A very short introduction). Moscow, 2009.]

⁵ Подробнее о методе Кембриджской школы см. монографию: Атнашев, Велиджев 2018.

⁶ См.: Скиннер 2006; Скиннер 2009.

⁷ Библихин 1998.

РЕЦЕНЦИЯ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ЗАДОРНОВА

- Скиннер 2018а — *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М., 2018. [*Skinner K.* Istoki sovremennoi politicheskoi mysli v 2 tomakh (The origins of modern political thought in 2 vol.). Том 1: Epokha Renessansa. Moscow, 2018.]
- Скиннер 2018б — *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М., 2018. [*Skinner K.* Istoki sovremennoi politicheskoi mysli v 2 tomakh (The origins of modern political thought in 2 vol.). Том 2: Epokha Renessansa. Moscow, 2018.]